

Немеркнущие образы пролетарских борцов

В. Л. МАЛЬКОВ

ТОМ МУНИ — УЗНИК САН-КВЕНТИНА *

Буржуазия стремилась не допустить краха с таким размахом задуманного ею гигантского «парада готовности», назначенного на 22 июля 1916 г. Не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть, как в складывавшейся обстановке поведет себя тайная служба корпораций. 21 июля Рабочий совет города по инициативе Совета профсоюзов строителей принял резолюцию, которая требовала от рабочих соблюдать высокую бдительность на случай возможных антирабочих провокаций¹. Том Муни едва ли нуждался в этом предостережении. Сигнал опасности зажегся для него много раньше. Следовавшие за ним тенью агенты коммунальных компаний не раз уже пытались подстроить ему ловушки².

Стало быть, правомерен вопрос, был ли Муни избран в качестве жертвы заблаговременно подготовленной провокации или же имя его было просто «привязано» к инциденту, произошедшему не по инициативе его преследователей, а только давшему в их руки подходящий предлог для громкого судебного процесса. Фрост, полагая, что тайна преступления 22 июля осталась неразгаданной, из всех версий наиболее достойной внимания считает гипотезу барона Вильгельма фон Бринкена, в 1916 г. служившего в германском консульстве в Сан-Франциско. Согласно этой гипотезе, бомба предназначалась для потопления американского транспорта со снаряжением для войск Антанты, стоявшего в порту под погрузкой. Замешкавшийся немецкий агент, не сумев пробиться к докам через кордоны полиции, бросил свой груз там, где его застал страх стать самоубийцей поневоле. Часовой механизм сработал...³ В свое время был выдвинут и ряд других вариантов в сущности все той же изложенной выше версии, в которой главную роль играли кайзеровские агенты, а Муни фигурировал в качестве жертвы слепого случая, непреднамеренной ошибки. На его месте-де мог оказаться любой другой ничем не приметный человек.

Удивительнее всего, что ни Фрост, ни некоторые другие авторы ни звука не проронили по поводу материалов заседаний подкомитета палаты представителей федерального конгресса, рассматривавшего в 1938 г. «дело Муни». Достаточно сопоставить эти материалы⁴ со сделанными много ранее неоспоримыми свидетельствами Макнатта и Вейнберга о существовании предварительного, заранее обдуманного заговора «службы безопасности» коммунальных компаний в отношении Муни, чтобы отбросить версию о лавине случайностей, якобы сделавших из него простого «козла отпущения».

Очень маловероятно, чтобы ради спасения чести полицейского мундира департамент полиции Сан-Франциско по собственной инициативе ни с того ни с сего ухватился именно за Муни. Чтобы понять это, достаточно принять во внимание следующие

* Продолжение. Начало см. в № 2 за 1975 г.

¹ E. J. Hopkins. What Happened in the Mooney Case. New York, 1931, p. 90—94; R. E. L. Knight. Industrial Relations in the San Francisco Bay Area, 1900—1918. Berkeley, 1960, p. 309—310.

² E. J. Hopkins. Op. cit., p. 92.

³ R. H. Frost. The Mooney Case. Stanford, 1968, p. 489.

⁴ U. S. Congress. House of Representative. Hearings before Subcommittee of the Committee on the Judiciary. Tom Mooney. Washington, 1938, p. 140—141.

Во-первых, после неудавшейся стачки трамвайщиков Муни и близкие ему друзья постоянно находились под наблюдением полиции, и, следовательно, если бы он организовал покушение, то полиция должна была признать, что он сделал это с ее ведома. Во-вторых, в день взрыва, в субботу 22 июля, с самого утра он и его жена Рена, никуда не отлучаясь, находились в обществе друзей и родственников в своей квартире на Маркет-стрит, 925. От места происшествия их отделяло по меньшей мере полторы мили. В 11 час. 30 мин. или около того Том и Рена, сестра Рены Муни миссис Хаммерсбург, а также ее приятельница поднялись на крышу восьмипятиэтажного здания, чтобы присоединиться к большой группе любителей торжественных шествий и посмотреть проходившие внизу по Маркет-стрит колонны «парада независимости». Вот уже несколько дней неотлучно следовавшие за Муни его «телохранители» также должны были быть где-то поблизости⁵. Это Муни знал наверняка.

Но он и не подозревал, что случайно оказавшийся рядом молодой человек, стремясь запечатлеть «исторический момент» прохождения участников парада, сделал три снимка фотоаппаратом Броунье, с интервалом в 3 мин. каждый: в 13 час. 58 мин., в 14 час. 01 мин. и в 14 час. 04 мин. Уличные часы на противоположной стороне Маркет-стрит, оказавшиеся в кадре, безошибочно указывали время, когда фотограф щелкал затвором своей камеры. В первый раз в объектив фотоаппарата попала одна Рена Муни, во второй и третий — Рена и Том вместе. Они стоят в самых непринужденных позах, облокотившись на кирпичное ограждение и наблюдая за пестрым людским морем, заполнившим до отказа центральную улицу Сан-Франциско. Снимки фотолюбителя попали в руки полиции через несколько дней после взрыва, и для опытных профессионалов было бы верхом неблагоразумия (если бы их не понуждали к этому) продолжать явно проигрышную партию, тянуть «пустышку». Ошибку можно было легко исправить, а с Муни снять подозрения. Следствие от этого только бы выиграло. Но сделать это не пожелали. Могло ли такое случиться по чистому недоразумению?

Однако вернемся на Маркет-стрит в полдень 22 июля. «Патриотическое» шествие, предводительствуемое мэром Сан-Франциско Ролфом, тянулось по прямой как стрела центральной улице города, расцвеченной сотнями национальных флагов. На тротуарах стояли многослойными шпалерами зрители, полиция перекрыла движение транспорта. Ни одна автомашина, кроме двух (с фоторепортерами и «скорая помощь»), не могла проникнуть за полицейское оцепление. Организаторы парада рассчитывали на восторженный прием. Его не получилось. В колоннах не было рабочих. Толпа по обеим сторонам Маркет-стрит пребывала в состоянии, которое напоминало смесь почтительного равнодушия и праздного любопытства.

В воздухе зной и тревога... В 14 час. 04 мин. колонна ветеранов испано-американской войны, построившаяся на Стюарт-стрит, начала двигаться по направлению к главной магистрали. В том месте, где она должна была свернуть на Маркет-стрит, собралось особенно много народа. И вдруг — внезапный взрыв, клубы дыма; падающие тела образовали адскую воронку в людском месиве... Стоны и хрипы раненых и умирающих, десятки мужчин, женщин и детей иссечены шрапнелью. Но что именно взорвалось — самодельная ли бомба, брошенная преступной рукой, или заряд взрывчатки, снабженный часовым механизмом и спрятанный под обложкой кем-то «забытого» чемодана, — это так и осталось навсегда невыясненным благодаря стараниям той же полиции. В мгновение ока явившись на место преступления, ее представители, как ни странно, не провели элементарного обследования, не собрали вещественных доказательств и не выявили заслуживающих наибольшего доверия очевидцев. Напротив, они действовали так, как если бы хотели скрыть все следы случившегося.

Лейтенант полиции Стефан Баннер оказался в двух шагах от места событий. Организовав перевозку в ближайший госпиталь убитых и раненых, он приказал немедленно привести в идеальный порядок угол Стюарт- и Маркет-стрит. Люди Баннера, пустив в ход пожарные шланги с водой, принялись «отмывать» мостовую, тротуар и стены прилегающих зданий от ужасающих следов трагедии. Потоки воды через водостоки унесли все, что давало возможность выяснить источник взрыва и, в частности, подтвердить версию о бомбе с часовым механизмом, на которой настаивал впоследствии прокурор. Ни одну из частей этого механизма найти так и не удалось⁶.

⁵ R. H. Frost. Op. cit., p. 102.

⁶ E. J. Hopkins. Op. cit., p. 40—41.

Не менее странным с точки зрения общепринятых правил дознания выглядело поведение прибывшего на место происшествия окружного прокурора Сан-Франциско Фиккерта. Он появился не один, а в сопровождении секретаря Ассоциации банкиров Калифорнии деятеля местной Торговой палаты Фредерика Колбурна. Вооружившись молотком, Колбурн принялся «изучать» повреждения в стене здания и на мостовой, оставленные взрывом. Орудия своим инструментом, он расширял углубления, выколачивая пули и осколки металлической оболочки взрывного устройства. Образовавшиеся внушительного размера выбоины позднее были сфотографированы полицейским фотографом. Именно эти снимки фигурировали в качестве документов обвинения на процессе Муни, хотя каждому было ясно, что они не позволяют судить о действительной силе взрыва и характере повреждений⁷.

Нет, действия Баннера и Фиккерта нельзя было принять за неуклюжие промахи растерявшихся дилетантов и разинь. Бросалось в глаза также то, что все воскресные (23 июля) буржуазные газеты Сан-Франциско (большинство из них находилось в руках Херста) вышли с описанием трагедии на Стюарт-стрит и повторяли одна за другой одинаковую версию о том, что убийство ни в чем не повинных людей в сущности — дело рук тех, кто «проповедовал классовую ненависть», критиковал существующий строй и верхи общества⁸. За согласованными действиями «отцов города» угадывались контуры какого-то общего сценария. «Прекрасный шанс добиться истребления профсоюзов» — эта фраза, брошенная одним из крупных коммерсантов после взрыва, облетела весь город⁹. Надо всем витал призыв к беспощадной расправе с рабочим движением по методу калифорнийских «бдительных» времен золотой лихорадки. Это означало готовность орудовать без промедления и без оглядки на нормы права и судопроизводства¹⁰.

С середины дня 22 июля действия местной Фемиды были отмечены лихорадочной активностью. После 21 час. по звонку Фиккерта его посетил Свэнсон, шеф детективов коммунальных компаний. Это не ускользнуло от внимания прессы. Но беседа велась с глазу на глаз, и лишь в 1935 г. стало известно ее содержание. Выяснилось, что имена Муни и Биллингса в качестве наиболее вероятных соучастников преступления на Стюарт-стрит были названы Свэнсоном. Он брался в кратчайший срок доказать их виновность¹¹. Из кабинета Фиккерта Свэнсон вышел облеченный миссией быть главным расследователем преступления 22 июля. Полиции отводилась вспомогательная роль.

С этого момента участь Муни и Биллингса была решена. 26 июля 1916 г. Биллингс был арестован в поликлинике, где он проходил курс лечения. В тот же день полицейский сержант задержал на одной из улиц Сан-Франциско владельца такси Вейнберга. Как и Биллингсу, ему не предъявили ордера на арест и не сообщили о его причине. Поздно вечером в тот же день 26 июля в своем доме был взят под стражу Эд Нолан, который длительное время отсутствовал, представляя местный союз на съезде Межнациональной ассоциации механиков в Балтиморе. Попытка опротестовать действия полиции путем приведения фактов, свидетельствующих о непричастности всех троих к преступлению, ничего не дала. Фиккерт и Свэнсон начали приводить свой план в исполнение.

Том Муни о всех этих арестах не знал. 24 июля вместе с женой он выехал на неделю из Сан-Франциско в живописные окрестности Монтесано, расположенного примерно в двух десятках миль от города и служившего традиционным местом летнего отдыха рабочих семей. Рена Муни уведомила своих учеников (она преподавала музыку) об отъезде и о том, где ее можно найти в случае необходимости. Три дня безмятежного отдыха близ Монтесано были последними днями, проведенными Томом Муни на свободе.

28 июля в руки Тома и Рены попала газета, из которой они узнали, что Муни и Биллингс названы в числе наиболее вероятных виновников взрыва на Стюарт-стрит и что власти Сан-Франциско объявили национальный розыск Муни. По характеру опубли-

⁷ Ibid., p. 43.

⁸ Ibid., p. 37—38.

⁹ «International Socialist Review», October 1916, p. 216.

¹⁰ E. J. Hopkins. Op. cit., p. 28—45.

¹¹ Th. Pollok. Will Labor Stand for Another Haymarket?—«International Socialist Review», December 1916, p. 362; R. H. Frost. Op. cit., p. 99—100.

Мунни легко мог догадаться, кто именно являлся их состави-
телем. Без проблем Мунни было представлено в самых черных тонах. В каждой строке
библиографской справки можно было безошибочно узнать почерк Мартина Свэнсона.

Мунни немедленно послал шефу полиции Сан-Франциско телеграмму (а копию —
в одну из прогрессивных газет), в которой уведомил его о своем возвращении, чтобы
опровергнуть ложь о причастности к преступлению на Стюарт-стрит¹². Обратные биле-
ты были куплены супругами Мунни заранее. Сев в поезд в Монтесано, они выехали в
Сан-Франциско, но сумели добраться только до ближайшей станции. Здесь их уже
поджидала полиция. Без предъявления ордера на арест их взяли под стражу. В тече-
ние недели Мунни, Рена, Биллингс, Вейнберг и Нолан были лишены возможности уви-
деть адвоката или хотя бы снестись с кем-либо за пределами тюремных камер. Все это
время Фиккерт, Свэнсон и полиция трудились в поте лица, придумывая легенду, ко-
торая помогла бы им выиграть «дело Мунни».

Между тем буржуазная печать Сан-Франциско, нисколько не заботясь о серьезных
доводах относительно виновности Мунни и других арестованных, уже вынесла свой
окончательный приговор. Виновность Мунни и его друзей для нее была уже установле-
на. Секрет этой убежденности был прост. Все сведения на страницы газет поступали из
одних и тех же источников — городской прокуратуры и полиции. Упреждая выводы
судебного разбирательства, Фиккерт и капитан Мэтьюсон (глава специальной группы
расследования) «определили» даже меру вины и степень наказания для каждого из арес-
тованных. Бомба будто бы была сделана руками Эда Нолана и пущена в ход Биллинг-
сом и Мунни, утверждал Фиккерт. «Считайте, что на их шее уже затянута веревка», —
говорил он журналистам¹³, а Мэтьюсон предрекал им смертный приговор «на
основе тех свидетельств, которыми мы сейчас уже располагаем»¹⁴. Возмездие,
заявили они в один голос, будет скорым и неотвратимым: Мунни и его сообщников ждет
виселица.

«ЧЕСТНЫЙ» СКОТОПРОМЫШЛЕННИК ИЗ ОРЕГОНА И ПРОЧИЕ

Поскольку следствие не имело ни единого реального доказательства причастности
Тома и Рены Мунни, Биллингса, Вейнберга и Нолана к взрыву, их арест был противно-
законным. Но решившись на такой рискованный шаг, окружной прокурор и полиция
связали себя необходимостью идти до конца, не принимая в расчет никакие нравствен-
ные кодексы и нормы права. Вот почему с самого начала были отброшены прочь любые
другие, весьма вероятные версии преступления и игнорировалось все, что не подтверж-
дало виновность Мунни и его друзей или же прямо опровергало вымыслы Фиккерта —
Свэнсона.

Накануне первого заседания Большого жюри по «делу Мунни» к прокурору Фик-
керту явился молодой человек по имени Уейд Гамильтон и вручил ему фотографии,
запечатлевшие чету Мунни на крыше здания по Маркет-стрит, 975. Гамильтон не при-
надлежал к числу сторонников левых взглядов и не предполагал, что сделанные им фо-
тографии способны подорвать версию прокуратуры и полиции. Немедленно был пущен
слух, что негативы Гамильтона не оставляют Мунни никаких шансов на спасение. Когда
же адвокат Мунни Максвелл Макнатт потребовал ознакомить его с фотографиями, Фик-
керт наотрез отказался сделать это. Лишь после начала суда над Мунни (3 января 1917 г.)
защита сумела добиться решения судьи Франклина Гриффина, понуждающего город-
скую прокуратуру и полицию передать ей фотографии.

К тому времени суд над Биллингсом уже состоялся. Ему было приписано соучастие
в убийстве на Стюарт-стрит и его приговорили к пожизненному заключению в тюрьме.
Выиграв время, Фиккерт выиграл и первый процесс. Своевременное тщательное иссле-
дование фотографий Гамильтона могло внести решающий перелом в ход процесса над
Биллингсом и тем самым позволило бы по-новому взглянуть на все «дело». А тогда, как
знать, что решили бы присяжные.

В присутствии агентов полиции фотографии были увеличены и изучены. Резуль-
тат был ошеломляющим. Снимки не только устанавливали местонахождение Мунни 22

¹² E. J. Hopkins. Op. cit., p. 125; R. H. Frost. Op. cit., p. 105.

¹³ «International Socialist Review», October 1916, p. 217.

¹⁴ R. H. Frost. Op. cit., p. 111.

июля, но и точно фиксировали время, позволяющее абсолютно однозначно и притом отрицательно ответить на вопрос, мог ли он находиться вблизи от места взрыва где-то около 2 часов пополудни, как это в один голос утверждали свидетели обвинения. Столкнувшись с фактами, опрокидывавшими всю версию о причастности Муни к взрыву, обвинение вынуждено было спешно изобретать что-то новое, чтобы сохранить свою основную версию.

Вкратце в своем первоизданном виде эта лживая легенда выглядела так. Муни и Биллингс были заговорщиками-радикалами худшей разновидности. С 1913 г. они становятся участниками многочисленных террористических актов с целью искусственно вызвать общественную смуту и разжечь классовую рознь. С начала 1916 г. Муни и Биллингс в отчаянной попытке сорвать патристическую мобилизацию планируют организацию взрыва во время «парада готовности». С помощью Эда Нолана они изготовляют самодельную бомбу с часовым механизмом, которую помещают в контейнер — то ли чемодан, то ли сумку от фотоаппарата. 22 июля Биллингс в сопровождении Рены Муни доставляет это орудие убийства на крышу двухэтажного здания на Маркет-стрит, 721, расположенного примерно в миле от Стюарт-стрит. Преступный умысел, по утверждению обвинения, состоял в том, чтобы сбросить контейнер на головы стоящих внизу и незаметно скрыться. (Обвинение игнорировало тот факт, что для выполнения этой задачи совсем не нужен был часовой механизм, который мог бы лишь выйти из строя от удара о землю.) План неожиданно по какой-то причине срывается. Биллингс и присоединившиеся к нему Том и Рена Муни покидают здание, садятся в поджидавшее их поблизости такси Вейнберга и направляются на Стюарт-стрит. Здесь они оказываются что-то около 2 часов пополудни, оставляют чемодан с бомбой на тротуаре (это делает Биллингс) и удаляются. Через несколько минут часовой механизм срабатывает и бомба взрывается.

С точки зрения обычной человеческой логики фактор времени, жестко регламентированного фотографиями Гамильтона, и способ передвижения предполагаемых преступников поставили перед обвинением абсолютно неразрешимую задачу. Фиккерт и его помощники так никогда и не смогли вразумительно объяснить, как ухитрились «заговорщики» в считанные минуты (даже если исходить из максимального разрыва во времени между отъездом с Маркет-стрит, 721 и возвращением Тома и Рены Муни на крышу здания на Маркет-стрит, 975) совершить свой путь в оба конца — со всеми остановками и паузами, связанными с транспортировкой их смертоносного груза, обсуждением ситуации, подъемом на крышу восьмизэтажного дома и т. д. Пройти пешком около мили в руках с тяжелой и громоздкой ношей, продираясь сквозь густую толпу людей, запрудивших тротуары, и уложиться в отведенный легендой срок было совершенно невозможно. Какой же выход находит обвинение? Очень простой. Оно сажает всех предполагаемых преступников в такси «джитни» Вейнберга...

Конечно, при известных условиях старый «форд» Вейнберга мог бы выручить обвинение. Но конкретные обстоятельства полностью исключали использование автомобиля кем бы то ни было, кроме самой полиции, поскольку, как уже говорилось, движение автотранспорта на Маркет-стрит было перекрыто. Специальная группа полицейских следила за тем, чтобы ни одна частная машина не появилась на отрезке этой улицы между Третьей и Стюарт-стрит, т. е. как раз там, где согласно версии обвинения свободно, на глазах у всех курсировало с «динамитчиками» такси Вейнберга. Если даже предположить, что последнему каким-то путем удалось усыпить бдительность полицейских и, воспользовавшись их ротозейством, проскочить на Стюарт-стрит, то как объяснить, что тысячи пар глаз, наблюдавших парад, не заметили подозрительного, полного людей автомобиля, стремительно мчавшегося в направлении прямо противоположном движению парада? И как могли сохраняющие хотя бы крупицы благоразумия и осторожности конспираторы решиться на этот лихой заезд через кордоны полиции, рискуя в любую минуту быть остановленными и обысканными? На процессе Вейнберга 18 полицейских инспекторов, получивших специальное указание очистить Маркет-стрит от транспорта, под присягой заявили, что ничего похожего на его такси они не заметили ¹⁵.

¹⁵ «The Mooney — Billings Report. Supressed by the Wickersham Commission». New York, 1932, p. 135. Много позднее судья Гриффин дал объяснение, почему ни он сам, ни присяжные во время процесса не в состоянии оказались трезво оценить

...тогда «видел» этот мифический автомобиль и его пассажиров? Кого Фиккерту и его помощники выдвинули в качестве заслуживающих доверия свидетелей обвинения?

Невиданному, со времен знаменитых процессов над ведьмами в Сейлеме американские правосудие никогда не встречалось с более колоритными фигурами «свидетелей». В одном из газетных очерков о них говорилось как «о жуткой процессии, состоявшей из проститутки, двух сифилитиков, лжеце-психопате и женщины, страдающей спиритуалистическими галлюцинациями»¹⁶. Среди пестрой толпы этих и подобных им свидетелей Джона Макдональда можно в сущности считать единственным свидетелем обвинения, который на самой ранней стадии под присягой показал, что 22 июля, находясь в районе Стюарт- и Маркет-стрит, «видел», как Биллингс ставил чехол на стены здания, а затем беседовал с Муни, поджидавшим его здесь с часами в руках. По словам Макдональда, Биллингс якобы появился на углу что-то около 14 час., а расстался с Муни за пару минут до взрыва. Ни о каком такси в показаниях Макдональда не было и упоминания. Оба они, Муни и Биллингс, утверждал Макдональд, одновременно покинули угол Стюарт-стрит и пешком направились в разные стороны. Фотографии Гамильтона полностью подрывали эти показания, но это не помешало Фиккерту использовать Макдональда в качестве заслуживающего доверия свидетеля на всех четырех процессах (Биллингса, Т. Муни, Р. Муни и Вейнберга).

Между тем сама личность Макдональда не в меньшей степени, чем и всех других свидетелей обвинения, способна была вызвать самые серьезные подозрения. Человек без определенных занятий, подрабатывавший время от времени официантом в дешевых городских тавернах, большой сифилисом, он незадолго до 22 июля вышел из больницы, где провел четыре месяца по поводу резекции желудка. Еще не оправившись от операции, без гроша в кармане, на грани отчаяния, он скитался по улицам Сан-Франциско в поисках дарового хлеба¹⁷. Появление Макдональда в полиции 24 июля последовало сразу же после оповещения всеми утренними газетами об установленной магистратом Сан-Франциско премии в 5 тыс. долл. за поимку виновников взрыва на Стюарт-стрит. Что произошло затем за дверями кабинетов окружной прокуратуры и полицейского управления, стало известно много позднее, но ни для кого никогда не было секретом, что на протяжении полутора лет, пока не закончились процессы, Макдональд жил полностью на казенный счет, под опекой полиции. Его повседневное «жалованье» оплачивалось Торговой палатой¹⁸. По подсчетам защиты, содержание Макдональда стоило налогоплательщикам Сан-Франциско от 1500 до 2000 долл., что по тому времени составляло сумму весьма значительную¹⁹.

Был момент, когда казалось, что обвинение окажется вынужденным капитулировать и признать свое поражение под тяжестью улик, изобличающих его в подтасовке фактов, сочинении небылиц, а главное, представлении «свидетелей», из которых ни один не мог удовлетворить условиям элементарной надежности. С каждым днем для каждого, сохраняющего способность трезво мыслить, становилось ясно, что имеет место преследование за политические убеждения, не дело об убийстве, а дело против рабочих. Из рук в руки передавалась брошюра-памфлет Роберта Майнора, разоблачавшая грязные махинации калифорнийской юстиции.

Скандал вокруг опознания личности «свидетелей» грозил обернуться невероятным политическим уроном для буржуазии. Почувствовав это, Торговая палата и «Комитет закона и порядка» поспешили на выручку окружному прокурору. В ход были пущены все средства обработки общественного мнения, дабы дезориентировать его и настроить на нужный лад. Р. Найт пишет: «Торговая палата, обладающая огромным политическим влиянием, решила, что Муни и Биллингс должны оставаться виновными. Для биз-

характер обстановки и сделать из этого соответствующие выводы. «Мы, должно быть, частично лишились рассудка на почве военной истерии, если на какой-то момент согласились с абсурдным допущением, согласно которому предполагаемые террористы... зная, что за ними установлена слежка, способом передвижения избрали езду на автомашине по очищенной полицией от транспорта улице на глазах у участников начинающегося парада». — Цит. по: R. E. Knight. Op. cit., p. 327.

¹⁶ E. J. Hopkins. Op. cit., p. 131.

¹⁷ Ibid., p. 167—168; «The Mooney — Billings Report», p. 128—129.

¹⁸ «The Mooney — Billings Report», p. 182, 184.

¹⁹ R. H. Frost. Op. cit., p. 235.

бизнесменов Сан-Франциско этот вопрос уже не подлежал дальнейшему обсуждению. Возможность исправления юридических ошибок исчезла»²⁰. Итак, поскольку отступать было некуда, решили идти до конца. Уже суд над Биллингсом отмечал в декабре 1916 г. Джон Рид в журнале «Masses», показал, как далеко готовы зайти люди из «Комитета закона и порядка». «Мы не предполагали, — писала позднее Э. Г. Флинн, — что потребуются 23 года борьбы, прежде чем Муни и Биллингс вновь обретут свободу!»²¹.

Приближался суд над Томом Муни, назначенный на начало января 1917 г. Фиккерт и Свенсон занялись лихорадочными поисками новых «улик» и «свидетельств», способных закрыть зияющие бреши в легенде обвинения.

В конце октября 1916 г. на судебной сцене появился Фрэнк Оксман, скотопромышленник из Орегона. Есть сведения, что идею заработать «хорошие» деньги в обмен на голову Муни ему подали знакомые бизнесмены из Торговой палаты Сан-Франциско, которые затем и свели его с Фиккертом²². Существенная роль в завязке аферы с Оксманом принадлежала ловкому железнодорожному агенту из Дюрки (штат Орегон) Фрэнку Вудсу, вознамерившемуся получить солидный куш от вознаграждения за оговор обвиняемых и открыто назвавшему в письме к Фиккерту свою цену за содействие в превращении Оксмана в главного свидетеля обвинения. Знакомство состоялось, и обе стороны сразу же поняли, как сильно они нужны друг другу²³. Фиккерт ликовал. «Свидетель» оказался исключительно «способным». Никаких колебаний и никакой уклончивости. «Оксман рассматривал свое участие в «деле Муни» как выгодный бизнес, способный принести при минимальных издержках солидные барыши. Моральные соображения его не интересовали. К тому же почтенный на вид 60-летний скотопромышленник из Орегона выгодно смотрелся на фоне представителей городского дна, названных «свидетелями» обвинения и вызывавших недоверие уже одним своим видом.

К моменту начала суда над Муни легенда для Оксмана была разработана во всех деталях. Соблюдая предосторожности, ему показали конфискованное такси Вейнберга и попросили запомнить все его приметы и номер. С согласия окружной прокуратуры и под ее диктовку Оксман письмом пригласил приехать в Сан-Франциско закадычного друга своего сына некоего Эда Ригалла и попросил его подтвердить на процессе факт их встречи 22 июля на Стюарт-стрит за полчаса до рокового взрыва. Этого факта не могло быть, так как Ригалл, житель Грейвилла (штат Иллинойс), до вызова Оксмана никогда не пересекал границы Калифорнии. Но Оксман не ошибся, рассчитывая соблазнить Ригалла оплаченной окружной прокуратурой приятной прогулкой в «солнечный штат». Еще не подозревая, какая роль ему отводится во всем этом деле и ничего не зная о событиях 22 июля, Ригалл ответил согласием²⁴. Фиккерт был в восторге. Вместо одного у него оказалось два «свидетеля». За свое усердие «честный» скотопромышленник из Орегона удостоился поистине королевских почестей со стороны «Комитета закона и порядка» и полиции. Однако его присутствие в Сан-Франциско держалось обвинением в величайшем секрете. Появление Оксмана и Ригалла на суде должно было стать для защиты полнейшей неожиданностью, чтобы сразить ее наповал.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Процесс над Томом Муни открылся 3 января 1917 г. К этому времени «дело Муни» получило не только общенациональную, но и мировую огласку. Сквозь раскаты военной грозы, бушевавшей на полях Европы, на страницы мировой печати (в особенности рабочей) все чаще проникали имена Муни и его товарищей. Неравный бой, который они вели с буржуазной юстицией в Калифорнии, становился пусть малой, но неотъемлемой частью общего революционного движения, с разной силой охватывавшего страны Нового и Старого Света. И в США демократическая общественность и рабочая печать не скрывали возмущения по поводу фальшивок Фиккерта²⁵.

²⁰ R. E. L. Knight. Op. cit., p. 330.

²¹ Э. Г. Флинн. Своими словами. Жизнь бунтарки. М., 1962, стр. 243.

²² R. E. L. Knight. Op. cit., p. 329.

²³ Вудс был настолько уверен в беспроигрышности затеянной игры, что с согласия Оксмана купил в кредит магазин, за который обещал бывшему владельцу расплатиться после казни Тома Муни. — R. H. Frost. Op. cit., p. 169.

²⁴ E. J. Hopkins. Op. cit., p. 211—214; «The Mooney — Billings Report», p. 190.

²⁵ «Blast», 15.XII.1916, vol. I, № 23, p. 5.

Важным признаком того, что отзвуки этого возмущения стали тревожить и окружение Фиккерта, служила обвинительная речь его помощника Эдварда Канхи, составленная в более осторожных выражениях и построенная по классическому образцу «истерических» выступлений. Акцент делался на этот раз не на уголовный аспект версий «преступления», а на политическую «неблагонадежность» его «участников». Уклонившись от рассмотрения фактической стороны дела, Канха поторопился закончить свою речь требованием приговорить Муни к смертной казни.

Не все, однако, ладилось у обвинения. В последний момент, накануне своего дебюта в суде, «свидетель» Ригалл, несмотря на все уговоры, отказался подыграть Оксману. По-видимому, осознав бремя ответственности, Ригалл объявил Канхе, что не в силах произнести явную ложь на суде, и, потребовав возместить ему расходы на поездку, приготовился ретироваться. 16 свидетелей, в большинстве своем совершенно незнакомых Муни людей, готовы были подтвердить, что в день взрыва с утра до самого окончания парада он и Рена Муни находились у себя дома или на крыше здания по Маркет-стрит, 975.

Когда атмосфера в зале суда в связи со сбивчивыми и противоречивыми ответами Макдональда на вопросы защиты накалилась до предела, обвинение решило, что настало время пустить в ход свое тайное оружие. Оксман не обманул его ожидания. Он вполне профессионально сыграл разученную им под руководством Фиккерта и Канхи роль. Он «знал» и «видел» решительно все и всех. Да, он прибыл по делам в Сан-Франциско 22 июля. Время приезда — между 12 и 13 часами дня. Оказавшись случайно на углу Стюарт- и Маркет-стрит около 13 час. 40 мин., он видел, как с юго-западной стороны подкатил старый «форд» Вейнберга, в котором сидели Муни, Биллингс, Рена Муни и еще кто-то. Оксман не только «видел», но и «слышал». Слышал, как Муни будто бы распоряжался, наставляя Биллингса действовать решительно, энергично и без промедлений: «Полицейские бросятся за нами». Высадив Биллингса с чемоданом, он вернулся в автомобиль, который, по словам Оксмана, направился затем по Стюарт-стрит. Решив, что это жулики, Оксман предусмотрительно записал номер машины для того, чтобы сообщить потом полиции: «форд» № 5187.

Макдональд без конца путался, называя разное время появления Муни и Биллингса на месте преступления, «переодевая» их то в одни, то в другие костюмы. Напротив, Оксман был сверх всякой меры определен и даже категоричен. Но Макдональд, в отличие от Оксмана, не лгал, когда утверждал, что находился поблизости от места взрыва и видел, как некий человек оставил у стены дома на противоположном углу подозрительный чемодан. Во всей же истории, рассказанной Оксманом, за исключением правильно названного номера машины Вейнберга, не было ни грана истины. Как выяснилось впоследствии, «честный» скотопромышленник в момент событий был в 100 милях от Сан-Франциско. Но тайна, окружившая внезапное появление Оксмана в зале суда, и недостаток времени пока служили надежным прикрытием для него. Хитроумная стратегия обвинения удалась, произведя должное впечатление на присяжных.

Последние выступления обвинителей, призывавших присяжных спасти Сан-Франциско от революции и поступить с обвиняемым так, как если бы они судили убийцу Линкольна Бута. Последнее слово представителя защиты, назвавшей «дело Муни» американской дрейфусадой. Последнее напутствие судьи Гриффина, советовавшего присяжным тщательно взвесить показания свидетелей и оценить их беспристрастно. После шестичасового перерыва оглашается приговор. Вновен в убийстве. Мера наказания — смертная казнь. Едва старшина присяжных произнес эти слова, как мертвая тишина зала судебного присутствия взорвалась бурей негодования. Ринувшиеся со всех сторон полицейские силой поспешили очистить помещение от публики. Слегка побледневший Муни спокойно, с достоинством выслушал приговор. Он был готов к любому, самому худшему исходу. 9 февраля судья Гриффин утвердил решение присяжных. Казнь была назначена на 17 мая 1917 г.

Тому Муни было отказано в праве сделать заявление после оглашения приговора. Оно появилось в рабочей печати лишь через несколько недель после окончания процесса. «Стоя в тени виселицы», он не опустил в нем до призыва к милосердию. Муни не защищался, он обвинял. «Судимый трибуналом, достойным олицетворением нашей судебной машины — машины, приспособленной гнусными жрецами эгоистических интересов и темных сил к тому, чтобы положить конец деятельности, которая как бы

скромна и незаметна ни была, отдана справедливому делу... я хотел бросить ему в лицо, что смерть одного человека или пятерых, или даже всех жертв борьбы за достойную плату и сносные условия труда тех, кто работает, не убьет движения, которому мы отдавали всю без остатка нашу преданность. У меня вызывают только смех идиотские надежды тех, кто думает заткнуть рот сторонникам справедливости тюремными стенами или веревкой»²⁶.

... Через несколько дней после окончания суда над Муни защита узнала о существовании Ригалла и о его переписке с Оксманом, получив от боя отеля в Сан-Франциско клочок бумаги с адресом первого, выброшенный Оксманом в корзину для мусора²⁷. Представители профсоюзов Чикаго прибыли в Грейвилл и сумели заполучить у Ригалла письма Оксмана к нему. Попытка кражи писем со стороны агентов Фиккерта не удалась²⁸. 12 апреля 1917 г. эти красноречивые документы, полностью изобличившие Оксмана как отпетого авантюриста, были опубликованы в газете «San Francisco Bulletin». Защита возбудила дело о привлечении Оксмана к суду по делу о лжесвидетельстве. Вина его была столь бесспорной, что разрушение возведенного обвинением здания всем казалось вопросом времени. 26 апреля 1917 г. судья Гриффин, председательствовавший на процессе Тома Муни, обратился с письмом к генеральному прокурору Калифорнии с просьбой назначить новый суд, мотивируя это тем, что ставшие известными письма Оксмана подорвали всякую веру в историю, рассказанную им на суде. Однако Большое жюри присяжных не только не нашло состава преступления в действиях Оксмана, но еще и вынесло одобрение Фиккерту за проявленные «энергию и бесстрашие»²⁹. «Комитет закона и порядка» приложил максимум усилий, чтобы сорвать пересмотр дела Муни. Это ему удалось.

Надежды на то, что жизнь Муни вне опасности, рухнули³⁰. Но план молниеносной расправы, вынашивавшийся местной реакцией, был сорван. Казнь Муни после апелляции защиты была отложена. Процессы же над Реной Муни и Вейнбергом проходили в такой моральной атмосфере, что местной реакции нечего было и думать осуществить до конца намеченный план. Организаторы провокации, по-видимому, никак не предвидели, что «дело Муни» получит общенациональный и международный резонанс. Идея всеобщей забастовки в защиту Муни завоевывала все больше сторонников. Огромную работу проделала Международная лига защиты рабочих, руководителем которой по вопросам печати и информации стал Роберт Майнор. Он, писал Муни, «работал как преданная старая лошадь»³¹. Символично, что на самой ранней стадии движения в защиту Муни ведущую роль в его организации сыграли те социалисты и левые рабочие лидеры, которые вскоре стали первыми коммунистами — Р. Майнор, Б. Хейвуд, У. Фостер, Д. Рид, Ч. Рутенберг, Э. Г. Флинн³².

Вынужденный считаться с возмущением в рядах АФТ судебным произволом и с решительной позицией крупнейших федераций штатов, выступивших в защиту Муни, в события вмешался ее президент С. Гомперс. Однако его представления министру юстиции о пересмотре дела не дали никакого результата. Других шагов Гомперс предпринять не захотел. В обстановке антирадикальной истерии нечего было и думать о том, чтобы больше всего дорожащие своей респектабельностью профбоссы из АФТ оказали помощь Муни. В конце концов, кем был для них он? Бунтарем, социалистом, левым, разносчиком подрывных идей. В «Masses» (сентябрь 1917 г.) Джон Рид, к слову которого стала прислушиваться вся передовая Америка, считая, что протест недостаточно силен, писал: «В Америке только что закончившийся месяц был самым черным месяцем (на протяжении всей жизни нашего поколения) для судеб свободы. Пребывая в состоянии отвратительной апатии, страна молча согласилась с навязанным ей режимом юридической тирании, бюрократических репрессий и промышленного варварства». Провокация против Муни, продолжал Рид, указывает на то, что «закон превращен в простое орудие власть имущих». «Между тем, — заключал он, — организованное рабочее

²⁶ «Masses», May 1917, vol. IX, № 7, p. 12.

²⁷ «Masses», July 1917, vol. IX, № 9, p. 22.

²⁸ R. H. Frost. Op. cit., p. 198.

²⁹ Ibid., p. 225.

³⁰ «Masses», August 1917, vol. IX, № 10, p. 19.

³¹ R. H. Frost. Op. cit., p. 279, 281.

³² См. Э. Г. Флинн. Указ. соч., стр. 241.

Гомперс склонило свою голову перед ними, а в Сан-Франциско даже потворствует Гомперсу настолько занятой войной, что готов включить в свой комитет (речь шла о создании правительства и лидерами АФТ Национальном военном совете труда, состоявшем из представителей предпринимателей и рабочих. Основной его задачей было предотвращение стачек.— В. М.) худших врагов рабочего класса. Я подозреваю, что, как только Том Муни и его жена будут казнены, Гомперс пригласит окружного прокурора Фиккерта поработать в Совете труда»³³.

Апелляция защиты отодвинула казнь на октябрь 1918 г. Вместе с тем все высшие судебные инстанции отказались принять дело к пересмотру. Вмешательство исполнительной власти — губернатора штата, президента США — оставалось последним шансом, но шансом крайне маловероятным.

Вот тут-то и наступил перелом. В феврале 1917 г. в далекой, измученной войной России рабочие и крестьяне свергли самодержавие. А в конце апреля большинство американских газет сообщили о демонстрации в защиту Муни у здания американского посольства в Петрограде. Это произошло 22 апреля 1917 г. В широких кругах американской буржуазной общественности это известие было воспринято необычайно болезненно. Неприятно было сознавать, что весть о неправом суде в Калифорнии достигла Европы и будоражит умы. Столь же остро реагировала на это событие и дипломатическая служба США. Демонстрация в Петрограде, прошедшая под лозунгом «Свободу Муни!» накануне отъезда в Россию миссии Рута, была оглушительным опровержением легенды о США как стране «социальной гармонии и великой демократии». Посол США в Петрограде Дэвид Фрэнсис был крайне озадачен и встревожен³⁴. Он ни разу не встречал в газетах имени Муни (ведущие буржуазные газеты США сознательно замалчивали события в Калифорнии), не ведал, какая «вина» за ним числится, но знал наверняка, что успех усилий американской дипломатии удержать Россию в войне на стороне Антанты зависит во многом от того, в каком свете в глазах революционной России, восставшей против деспотической власти, предстанут порядки в его собственной стране. Об этом он телеграфировал 24 апреля 1917 г. государственному секретарю Р. Лансингу³⁵.

11 мая 1917 г. президент США Вудро Вильсон после совещаний с Лансингом направил губернатору Калифорнии Стефенсу неофициальное послание, которое показывало, как остро реагировало правительство США на петроградские события. «Принимая во внимание определенные международные аспекты, связанные с «делом Муни», — писал Вильсон, — я надеюсь, что Вы не сочтете мое обращение неуместным или превышающим мои полномочия, если я дружески и доверительно обращаю Ваше внимание на разумность и желательность смягчения приговора Муни или по крайней мере приостановки его казни до тех пор, пока все обвинения в лжесвидетельстве, выдвинутые против свидетелей, участвующих в процессе, не будут до конца проверены. Такие действия с Вашей стороны, смею заверить Вас, имели бы своими последствиями важные и благотворные результаты и в самой большой степени содействовали бы смягчению критической ситуации, возникшей за пределами Соединенных Штатов»³⁶.

После демарша Белого дома дело сдвинулось с мертвой точки. Скандал получил еще большую огласку, после того как в апреле и октябре 1917 г. суд в Сан-Франциско оправдал Рену Муни и Вейнберга, а Том по-прежнему оставался в камере смертников. Либеральная печать начинала писать о «деле Муни» как о чудовищной клоунаде, которая больно бьет по репутации общественных институтов и международному престижу США. Все более тревожными становились депеши от Фрэнсиса из Петрограда. Многотысячные митинги в Петрограде и Кронштадте доставляли ему массу беспокойства. «Дело Муни» и репрессии против левых сил в США мешают обрабатывать обществен-

³³ «Masses», September 1917, vol. IX, № 11, p. 6.

³⁴ D. R. F r a n c i s. Russia from the American Embassy. New York, 1921, p. 101—102, 105; G. F. K e n n a n. Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 356.

³⁵ R. H. F r o s t. Op. cit., p. 284.

³⁶ Цит. по: R. S. B a k e r. Woodrow Wilson, Life and Letters, vol. VIII. New York, 1939, p. 65—66. Джозеф Норт в биографии Роберта Майнора пишет, что Майнор, посетивший Россию в 1918 г., при встрече с В. И. Лениным в Москве передал благодарность классово сознательных членов АФТ рабочим и морякам Петрограда за выступления в защиту Муни, спасшие ему жизнь.— J. N o r t h. Robert Minor. Artist and Crusader. New York, 1956, p. 105.

ное мнение России в духе установки на усиление американского влияния в этой стране. В очередной телеграмме от 4 октября 1917 г., сославшись на факт назначения митинга протеста на Путиловском заводе, Фрэнсис настоятельно рекомендовал Вашингтону сделать все, чтобы «ликвидировать ошибочные настроения, существующие по отношению к США здесь» (в России. — В. М.)³⁷. Вудро Вильсон вынужден был вновь просить калифорнийские власти не торопить события.

Вмешательство Вашингтона выразилось в работе двух расследовательских комиссий. Тем временем в Петрограде, где победила Великая Октябрьская социалистическая революция, известие о приближающейся казни Муни вызвало новую волну возмущения. Град резолюций протеста обрушился на голову Фрэнсиса. Соответствующее представление было сделано американскому посольству и Народным комиссариатом по иностранным делам³⁸. 19 января 1918 г. Фрэнсис вновь телеграфировал о полученной в адрес посольства резолюции, в которой содержалось требование немедленной свободы для «выдающегося борца за освобождение человечества, нашего товарища Томаса Муни, который был приговорен к смерти вашим правительством»³⁹.

22 января 1918 г. Вудро Вильсон направил губернатору Стефенсу новое письмо, в котором, вновь ссылаясь на «международное значение» дела Муни, просил его отложить приведение приговора в исполнение до повторного рассмотрения дела⁴⁰. Сведения о том, что Стефенс, как огня боясь гнева коммунальных компаний, пытается уйти от прямого ответа, заставили президента США проявить настойчивость. Белый дом опасался вспышки беспорядков. Реальность гибели Муни от руки палача всколыхнула рабочее движение США. 28 июля 1918 г. было объявлено рабочими организациями «Днем Муни». Повсеместно состоялись крупные митинги членов профсоюзов. Раздавались даже призывы ввести в Калифорнию федеральные войска с целью добиться отмены приговора. Профсоюзы графства Аламеда (штат Калифорния) предложили 9 декабря начать всеобщую забастовку. Рабочие Спэтла с энтузиазмом подхватили эту идею. В своей приковавшей к себе внимание всей Америки антивоенной речи в Кантоне (штат Огайо) 16 июня 1918 г. Ю. Дебс особое внимание уделил «делу Муни»⁴¹.

29 ноября 1918 г., за две недели до назначенной Верховным судом казни, губернатор Стефенс принял решение об отмене смертного приговора и замене его пожизненным заключением в тюрьме Сан-Квентин. Стефенс отклонил просьбу о новом суде, посчитав вину Муни доказанной, несмотря на все «новые факты». «Из всех преступлений, совершенных против Вас именем закона, — писал Тому Муни видный американский юрист и общественный деятель Фрэнк Уолш по поводу «великодушного» жеста Стефенса, — последнее является тягчайшим»⁴². Наедине с самим собой либерал Уолш, наоборот, считал, что только чудо спасло Муни жизнь. Уж если в конгрессе президент Вильсон публично был отчитан за то, что «совал нос не в свои дела», а участникам нового расследования была обещана арестантская роба⁴³, то по одному этому можно было судить о силе нажима на администрацию со стороны реакции. Разоблачения фальшивок не могли служить для нее непреодолимым препятствием. Тогда что же другое? Ответ дал сам Муни. Много позднее, имея возможность по достоинству оценить роль различных факторов, сохранивших ему жизнь, Муни писал: «Действия русских рабочих в 1917 г. заставили калифорнийский союз грабителей остановить руку палача»⁴⁴.

РАСКАЗАНИЕ... ЛЖЕСВИДЕТЕЛЕЙ

Местом заточения Тома Муни стала тюрьма Сан-Квентин, расположенная примерно в 20 милях от Сан-Франциско на живописном берегу залива. Почти полгода (с июля по ноябрь 1918 г.) Том Муни провел здесь в камере смертников. После отмены смерт-

³⁷ «Foreign Relations of the United States, 1918. Russia» (далее — «F. R. Russia»), vol. I. Washington, 1931—1932, p. 203.

³⁸ G. F. Kennan. Op. cit., p. 403.

³⁹ «F. R. Russia», vol. I, p. 353.

⁴⁰ Цит. по: R. S. Baker. Op. cit., p. 488—489.

⁴¹ R. G. Inger. The Bending Cross. A Biography of Eugene Debs. New Brunswick, 1949, p. 357.

⁴² Цит. по: R. H. Frost. Op. cit., p. 319.

⁴³ «Congressional Record» (далее — CR), 65th Congress, 3rd Session, vol. 57, pt. 3, p. 2661.

⁴⁴ «Labor Defender», March 1932, vol. VIII, № 3, p. 43.

Мунни переведен в одиночку той секции тюрьмы, где содержались заключенные к различным срокам заключения. Размеры камеры были предельно малы: 6 футов (примерно 1 м 20 см) в ширину, восемь футов (2 м 40 см) в длину и семь футов (2 м 10 см) в высоту. Арочный потолок еще больше уменьшал помещение. Железная койка, тонкий матрас, стул, крохотный стол, две деревянные книжные полки над дверью, бачок с водой и параша — вот и вся обстановка. Стены и потолок сложены из каменных блоков. Окон в камере не было, источником света служила маленькая 40-ваттная лампочка, висевшая на потолке. Камера не отапливалась. Зимой Мунни, чтобы не замерзнуть, надевал на себя все, что у него было, ибо старое дражное одеяло не спасало от холода и сырости. В узкую щель в железной двери можно было видеть такие же камеры на противоположной стороне коридора. Около 5 тыс. заключенных «насеяли» Сан-Квентин⁴⁵.

Мунни разрешено было иметь в камере старую пишущую машинку, пользоваться газетами, получать литературу «революционного содержания» (из списка исключалась вся рабочая печать) и вести переписку. Уже вскоре Мунни почувствовал, что он снова возвращается в строй. Крохи свободного времени оказались наполненными чем-то важным и значительным. Спрессованные в газетной строке известия о событиях вне стен Сан-Квентина волнами вывалились в каменный мешок, заставляя в тревоге и надежде биться сердце, укрепляя уверенность, что короткая его жизнь на свободе прожита не напрасно, не впустую.

В России, в стране, первой поднявшей свой голос в его защиту, в жестокой схватке с врагом рождался новый строй. Со дня на день враги социалистической революции предрекали Советской России гибель и сдачу на милость победителей. Но вопреки всем пессимистическим прогнозам, заклинаниям и проклятиям она держится и одолевает многочисленных недругов, интервентов, хулителей и малOVERов. В других странах Европы — рост народного недовольства, поиски революционного выхода из войны, низвергаются троны, рушатся империи, расправляет плечи рабочее движение, освобождаясь из плена национализма и милитаристского угара. Разве не к этому всегда стремился сам Мунни?

Борьба за новый мир, мир без аннексий, войн и угнетения стоила международному пролетариату огромных жертв. В Америке реакция развернула бешеную травлю левых и социалистов. Пропаганда марксизма-ленинизма, пацифизм и прогрессивизм были объявлены вне закона, а в ряде штатов приравнены к измене и антипатриотическим действиям. События в Калифорнии, связанные с процессом Мунни, послужили прелюдией, своеобразной репетицией общенационального натиска реакции. Мечтавший о президентском кресле министр юстиции Митчел Пальмер, с именем которого была связана эпоха пресловутых облав на «радикалов», как две капли воды походил на Фиккерта, чья звезда взойшла на калифорнийском небосклоне благодаря гонениям против местных профсоюзов⁴⁶. «Дело Мунни» преломило в себе коренные проблемы личных свобод и гражданских прав, порожденные развивающимся кризисом буржуазной демократии; его исход затрагивал всех, кто хотел видеть рабочее движение США могучим и несокрушимым⁴⁷. В этих условиях горячий прием нашел призыв Межнациональной лиги защиты рабочих о созыве в Чикаго конгресса для обсуждения программы борьбы за освобождение Мунни и Биллингса. Конгресс собрался 14 января 1919 г. В его работе участвовало более тысячи делегатов, представлявших главным образом местные и городские организации профсоюзов из 37 штатов⁴⁸.

⁴⁵ «Labor Defender», January 1929, vol. IV, № 1, p. 6.

⁴⁶ См. П. В. Рости н. ФБР — портрет во весь рост. М., 1970; R. K. M u r g a y. Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919—1920. New York, 1955; S. C o b e n. Mitchell Palmer: Politician. New York, 1963; W. P r e s t o n. Aliens and Dissenters. Federal Suppression of Radicals, 1903—1933. Cambridge (Mass.), 1963; R. J. R o s k e. Everyman's Eden. A History of California. New York — London, 1968, p. 482.

⁴⁷ См. С. О в а н е с ь я н. Подъем рабочего движения в США в 1919—1921 гг. М., 1961, стр. 177.

⁴⁸ Значение конгресса было велико и в плане дальнейшей организационной консолидации революционного течения в американском рабочем движении. «Фактически, — писал много позднее Роберт Майнор, — Чикагский конгресс в защиту Мунни и Биллингса в 1919 г. ... в определенном смысле был шагом на пути кристаллизации коммунистической партии, а его тред-юнионистские элементы некоторое время спустя создали ядро Лиги профсоюзного просвещения». — «Labor Defender», April 1931, vol. VI, № 4, p. 78.

Том Муни лично взял на себя руководство кампанией за свое и Биллингса освобождение. Он возглавил «Комитет в защиту Муни при профсоюзе литейщиков» и постоянно играл главную роль в определении общей стратегии борьбы. Одним из первых секретарей-казначеев Комитета был Роберт Майнор. Агитационная деятельность Комитета касалась самых широких аспектов борьбы против разгула политических репрессий. Горячее слово Муни и Майнора, звучащее со страниц памфлетов, брошюр и других специальных изданий, проникало в промышленную «глубинку», будило у совестливую совесть обманутых и равнодушных.

Осенью 1919 г. вновь забрезжила надежда, что «дело Муни» может быть пересмотрено. На очередных выборах на должность окружного прокурора Фиккерт потерпел поражение. Не помог и флаг антирадикализма, выброшенный им в качестве приманки для перепуганного обывателя. Карьера всемогущего «стража порядка» в Сан-Франциско, втайне видевшего себя за губернаторским столом в Сакраменто, бесславно оборвалась. Все, кто оказался втянутым им и Свэнсоном в заговор против Муни, отныне не могли чувствовать себя в безопасности.

Ровно через год, поздней осенью 1920 г., к мэру Сан-Франциско Ролфу по собственной инициативе явился полицейский Дрейпер Хэнд. В период расследования взрыва 22 июля 1916 г. Хэнд отвечал за «работу» со свидетелями обвинения. По словам последнего, Оксман был «натаскан» для дачи показаний в суде Канхой и им, Хэндом. Сам же он знал обо всем только из газет. Джон Макдональд одно время был близок к тому, чтобы сознаться в лжесвидетельстве, и лишь денежные «премии», полученные им, удержали его от этого. Исповедь Хэнда подала Муни мысль попытаться найти Макдональда и добиться от него чистосердечного признания.

Розыски Макдональда напоминали детективную историю с выслеживанием исчезнувшего «свидетеля». Особая роль в исполнении этого плана принадлежала друзьям Муни из числа прогрессивных лидеров Чикагской федерации труда и местным профсоюзным активистам, приложившим максимум усилий, чтобы напасть на след Макдональда и убедить его заговорить. В начале 1921 г. в руках у защиты были письменные показания Макдональда, данные им под присягой. Суть их сводилась к следующему. Макдональд, вопреки тому, что он говорил на процессах Биллингса и Муни, никогда не видел их обоих до того момента, пока не был препровожден полицией в городскую тюрьму для «опознания» лиц, подозреваемых в убийстве 22 июля 1916 г. В качестве платы за сотрудничество с полицией ему в случае осуждения Муни и Биллингса была обещана самая большая доля от общей суммы денежного вознаграждения. Он был от начала до конца проинструментирован Фиккертом в отношении того, что следовало ему говорить на суде и о чем следовало умалчивать.

Судебные власти Калифорнии вынуждены были удовлетворить просьбу защиты о проведении нового расследования. Макдональд согласился предстать перед Большим жюри. В сопровождении представителя Чикагской федерации труда он приехал в Сан-Франциско. Однако прежде чем ему дали раскрыть рот, старшина Большого жюри заявил, что присяжные не могут предоставить ему иммунитета от судебного преследования и, выслушав Макдональда, скорее всего привлекут его к судебной ответственности за дачу ложных показаний в 1916 и 1917 гг. Удар попал в цель, Макдональд предпочел вернуться в Балтимор, чем отсидеть 10—14 лет в Сан-Квентине.

Еще весной 1918 г. мучимый раскаянием в собственной трусости некто Эрл Хэтчер, торговец скотом из Вудленда, графство Йоло, доверительно сообщил своему знакомому юристу из Сан-Франциско, что «честнейший» Оксман, «заставший» на месте преступления Муни, Биллингса, Рену Муни и Вейдберга 22 июля 1916 г., в момент взрыва находился на почтительном удалении от Сан-Франциско. Расстояние в 100 с лишним миль действительно позволяло «рассмотреть» их только с помощью Фиккерта, Свэнсона и Хэнда. Долго храня молчание из-за боязни мести со стороны окружного прокурора, Хэтчер в мае 1921 г. рассказал собравшемуся Большому жюри, что всю первую половину дня 22 июля 1916 г. Оксман провел у него дома, в Вудленде. В Сан-Франциско Оксман мог появиться не ранее 17 часов, поскольку отправился туда 14-ти часовым поездом. Хэтчер провожал его на вокзале в Вудленде. Без труда документально было подтверждено, что Оксман по приезду в Сан-Франциско зарегистрировался в отеле не ранее 17 часов⁴⁹.

⁴⁹ «U. S. Congress. House of Representative... Tom Mooney», p. 105—115.

Перед лицом этих фактов новый окружной прокурор Сан-Франциско, спасая престиж своего ведомства, в мае 1922 г. писал губернатору Калифорнии: «Единственным доказательством в пользу содержания Муни и Биллингса в тюрьме служит то, что они принадлежат к числу нежелательных граждан (т. е. являются политически неблагонадежными — В. М.)... Я считаю, что подобная мотивировка чревата самыми коварными, в конечном итоге разрушительными последствиями»⁵⁰. Прокурор Брейди просил губернатора признать обоих невиновными. Ответа не последовало.

Муни не был удивлен, когда в конце января 1924 г. получил от капитана Дункана Мэтьюсона пространное письмо, в котором тот не только высказался за пересмотр судебного дела, но и одновременно решительно отводил как абсолютно ненадежных двух основных «свидетелей» (Макдональда и Оксмана), на показаниях которых обвинение построило свою версию⁵¹.

Чем дальше, тем большее число лиц, сопричастных к «делу Муни», поддерживало идею нового судебного процесса. Все 10 присяжных, вынесших смертный приговор Муни, высказались за пересмотр дела⁵². Судья Гриффин, подписавший смертный приговор, заявил, что считает Муни полностью невиновным. Девять объемистых томов с материалами в поддержку требования освобождения Муни легли на стол перед губернатором Ричардсоном, сменившим на этом посту Стефенса. В конце декабря 1926 г. после бесконечных проволочек Ричардсон высказался за то, чтобы оставить вопрос открытым. Покидая резиденцию губернатора и желая «быть справедливым», он решил передать его на рассмотрение своего преемника, вновь избранного губернатора республиканца Янга.

После саморазоблачения Макдональда, исповедей Хэнда и Хэтчера от версии Фиккерта — Свенсона, которая легла в основу обвинения против Муни и Биллингса, не осталось камня на камне. Трудно было найти простаков, не видевших подлинных причин, которые сделали из кучки уголовников и авантюристов «бескорыстных правдолюбцев», а Муни пожизненным пленником Сан-Квентина. Однако, как ни чудовищно, это не приблизило освобождения. Сгноить Муни в тюрьме либо заставить подписать прошение о помиловании (что означало бы его молчаливое признание своей «вины») — вот в чем видела калифорнийская «элита» наилучший выход из щекотливого положения, в которое ее поставили отмена смертной казни и раскаяние лжесвидетелей⁵³.

Горько усмехаясь, Том Муни говорил своим друзьям, что твердо знает наперед, как поведет себя новый губернатор Янг в данной ситуации и даже может составить за него заявление, объясняющее, почему он, Янг, не решится принять сторону истины. Так называемое «дело Муни», писал Том, стало «символом времени», времени, для которого характерен прежде всего конфликт между трудом и капиталом. Вот почему к оценке его самого никто не может подходить с личными мерками, исходя из симпатий и антипатий, абстрактной справедливости и альтруизма. «Я всего лишь одно из действующих лиц»⁵⁴ происходящей у всех на глазах жестокой борьбы классов, подчеркивал Муни. Не страшась последствий, он ведет ее на стороне рабочего класса. Губернатор Янг находится по другую сторону баррикады. Все остальное имело второстепенное значение.

В 1927 г. губернатор Массачусетса Фуллер утвердил смертный приговор Сакко и Ванцетти. Янг в сущности поступил аналогичным образом: в своем решении от 8 июля 1930 г. он отверг требование освободить Муни на основе безусловного признания его невиновным, пока на дело не будет пролит «дополнительный свет».

Окончание следует

⁵⁰ R. H. Frost. Op. cit., p. 354.

⁵¹ M. Haldeman-Julius. The Amazing Frame up of Mooney and Billings. Girard (Kansas), 1931, p. 42—43.

⁵² R. H. Frost. Op. cit., p. 359.

⁵³ Журналист Джим Талли в статье, опубликованной в журнале «The American Mercury» (январь 1928 г.), писал, что лица, влиятельные в финансовых кругах Калифорнии, говорили ему следующее: «Ну-с, хорошо, если Муни и не имеет отношения к взрыву 22 июля 1916 г., все равно он должен быть виновен в чем-нибудь. Он принадлежит Сан-Квентину безраздельно». — Цит. по: «Labor Defender», February 1928, p. 41.

⁵⁴ Цит. по: R. H. Frost. Op. cit., p. 378.